

ИМЯ КАК ВРЕМЕННАЯ ВЕХА В ТЕКСТАХ М. И. ЦВЕТАЕВОЙ*

Статья посвящена анализу имен собственных. Целью нашей работы являются антропонимы в поэзии М.И. Цветаевой. Прецедентный антропоним способен к экстенциональному и интенциональному употреблению. Во втором случае он используется для характеристики. Цветаева показывает взаимообусловленность прошлого, настоящего и будущего, их взаимопроникновение через обращение к прецедентным именам.

Ключевые слова: антропонимы, прецедентное имя, характеристика, аллюзивная лексика.

В настоящее время антропоцентрический подход в лингвистике диктует изучение имен собственных как единиц языка/ речи, связанных с обозначением человека, его жизни, его деятельности, его линий встреч. Исследование закономерностей функционирования имен собственных в художественном тексте, их специфики, особенностей авторского использования как проявления индивидуальности, несомненно, перспективно для наиболее полного раскрытия основных характеристик творчества писателя или поэта, его идиостиля [1].

Использование автором в контекстах имен родных, друзей и исторических лиц является дополнительным средством измерения времени, в том числе и линейного, так как эти текстовые единицы помогают фиксировать даты и отрезки быстротечного времени.

Имена собственные являются, с нашей точки зрения, не только важным изобразительным, но и хронотопоформирующим средством в лексическом инструментарии М. Цветаевой, т. к. «доля имен собственных в поэтическом словаре М. Цветаевой приближается к 1, 6 %» [2].

Необходимо «отметить, что поэтическое творчество предоставляет максимальную свободу поиска, принципов употребления имен собственных и способов их преобразования: свободу ассоциативных сближений и сопоставлений, поиска новых способов включения в контекст, создания смысловой многоплановости и т.д.» [3].

С именем человека связаны годы его жизни, годы знакомства с людьми, события, размышления, его творения, воспоминания, увлечения, что отражается в биографической канве творчества. Нами выделяются следующие тематические группы антропонимов, которые актуализируют потенциальные периферийные семы линейного времени:

1) личные имена членов семьи, друзей: *Сереза, Гриша, Ася, Нина, Володя, Валенька, Аля* и другие:

Ты ушел... Ты мудрый был, Сереза! (Серезе, до 1913) [4];

– «*Ася, поверьте!*» и что-то дрожит

В Гришином деланном баре (Летом, до 1913);

2) личные имена, отчества, фамилии деятелей культуры, современников М. Цветаевой – поэтов, писателей, актеров, философов: *Завадский, Волошин, Бальмонт, Вячеслав Иванов, Ахматова, Блок, Антокольский, Алексеев, Маяковский* и другие.

* © Иванова Л.А.

М.И. Цветаева использует каждое указанное имя собственное в плане изображения пересечения ее линии жизни с жизнью называемого лица.

Так, например, с 1916 г. М. И. Цветаева увлекается театром. Это увлечение приносит ей знакомства и дружбу с учениками Е. Б. Вахтангова: в конце 1917 г. М. Цветаева знакомится с П. Г. Антокольским; в январе 1918 г. П. Г. Антокольский познакомил М. Цветаеву с актером Ю. А. Завадским. Сразу после этой встречи возникает поэтический образ любимца женщин, и М. И. Цветаева пишет цикл стихотворений «Комедьянт». В этом же году она знакомится еще с одним человеком театра – В. В. Алексеевым. См. отражение в текстах:

*С вас начинаю, пылкий Антокольский,
Любимец хладных Муз,
Запомнивший лишь то, что — панны польской
Я именем зовусь.
И этого — виновен холод братский,
И сеть иных помех! —
И этого не помнящий — Завадский!
Памятнейший из всех!
И, наконец — герой меж лицедеев —
От слова бытиё
Все имена забывший — Алексеев!
Забывший и свое! (Комедьянт, 19, 13 января 1919).*

Цветаева впервые прочла стихи Ахматовой, вероятно, в 1912 году и сразу увлеклась ее поэзией, а также личностью, стоявшей за стихами. Образ Анны Ахматовой существовал в душе Цветаевой долгие годы. В 1915 г. она пишет первое стихотворение, где обращается к Ахматовой:

Я полюбила Вас,

Анна Ахматова (Анне Ахматовой, 11 февраля 1915).

1916-й год М. И. Цветаева встретила в Петербурге, где она увлекается поэтом Блоком и стремится с ним встретиться, но ей это не удается. А 15 апреля она пишет первое свое стихотворение, обращенное к нему, которое, возможно, является отголоском ее поездки в Петербург, а также откликом на выход его книг «Театр» и первого тома «Стихотворений»:

*Имя твое — птица в руке,
Имя твое — льдинка на языке,
Одно единственное движенье губ,
Имя твое — пять букв (Стихи к Блоку, 1, 15 апреля 1916).*

9 мая 1920 г. Цветаева пережила глубокое потрясение: впервые в жизни она увидела Александра Блока. Внутреннее переживание этого события не могло не вылиться в стихи, где веку фиксирует антропоним:

*Так, узником с собой наедине
(Или ребенок говорит во сне?),
Предстало нам — всей площади широкой! —
Святое сердце Александра Блока (Стихи к Блоку, 9, 9 мая 1920).*

В августе 1921 года умирает Александр Блок, М. И. Цветаева откликается

на это целым потоком стихов, в названии которых употребляет имя собственное Блок:

*Други его — не тревожьте его!
Слуги его — не тревожьте его!
Было так ясно на лице его:
Царство мое не от мира сего. (Стихи к Блоку, 12, 15 августа 1921);*

3) имена деятелей культуры, которые не являются современниками М. Цветаевой: поэтов, писателей, актеров, композиторов, философов: *Ростан, Гоголь, Баратынский, Шекспир, Пушкин, Байрон, Шиллер, Бетховен, Кант, Державин, Шеллинг, Ницше, Лермонтов, Овидий, Сафо, Руссо, Андре Шенье, Жорж Занд, Беранже* и другие.

В данной тематической группе выделяется несколько стилистически обусловленных функций имен собственных:

а) называние прецедентных имен данных деятелей культуры, их линия жизни.

Прецедентные имена образуют группу внутри индивидуальных имен и выделяются на основании особенностей функционирования этих единиц в дискурсе. Прецедентное имя способно к экстенциональному и интенциональному употреблению. Во втором случае оно используется «не для именованья, а для характеристики» [5]. М. Кронгауз утверждает, что имя собственное способно к интенциональному употреблению в выражениях *новый Пушкин, второй Пеле*, «при котором говорящий предцирует некоему объекту часть свойств известного и говорящему и адресату обладателя данного имени» [6]. Выделяем в рамках данного использования:

- экстенциональное употребление прецедентных имен собственных в стихотворениях М. И. Цветаевой (*Гоголь, Дельвиг, Пушкин, Шенье, Шиллер, Кант, Шеллинг, Ницше, Лермонтов, Лафайет, Руссо, Беранже*):

*Братья! Взгляните в даль!
Дельвиг и Пушкин,
Дел и сердец хрусталь...
— Славно, как сталь об сталь —
Кружкой о кружку! (Новогодняя, 15 января 1922 г.)*

В 1918 г. Цветаева часто воспеваает белое движение, создает образ «Лебединого стана», в связи с чем вспоминает о поэте Андре Шенье, который был казнен якобитами. «Тень Шенье звала Марину. Чувствовалось, что ее мысль была всецело поглощена судьбою поэта, отвергшего революцию, восставшего против нового насилия, против новой лжи. Она собирала все, что можно было найти о Шенье в библиотеках, писала о нем поэму. Открытое противодействие черни, сопротивление искажителям правды, презрение к террору вдохновляли художественную совесть Марины» [7]. Например:

*Андрей Шенье взошел на эшафот,
А я живу — и это страшный грех (Андрей Шенье, 1, 11 апреля 1918);*

- интенциональное употребление прецедентных имен собственных:

*Все, что нам в тебе уготовано,
Незнакомка с челом Бетховена* (Подруга, 9, 14 января 1915);

*Что Вам, молодой Державин,
Мой невоспитанный стих!* (12 февраля 1916).

Говоря о молодом Державине, М. И. Цветаева обращается к О. Мандельштаму. В основе этой перифрастической номинации лежит характеристика творческой манеры поэта, в понимании самой Цветаевой: «Мандельштам, например, не только русский, но определенной российской поэтической традиции — поэт. Державиным я в 1916 г. его окрестила первая» (Герой труда) [см. 4]. Мандельштам, увлеченный Цветаевой, в январе 1916 г. находился в Москве. В феврале после его отъезда было написано это стихотворение. «У Марины поразительное, только ей присущее свойство. Если собеседник, недавний знакомый, показался ей внимательным, так или иначе заслужил ее внимание, она сразу находит для него определение – фантастическое, малодостоверное, но в ее глазах оно уже обрело жизнь. Ей того и нужно! И тогда выходит, что такой-то в ее глазах “молодой Державин”, другой – “Казанова”, третий – “Гоголь”, а четвертый – “черт-дьявол” собственной персоной. На таком шатком, но для нее достаточном основании выдумщица строит систему складывающихся отношений, всю их фабулу» (П. Антокольский. Из цикла очерков «Современники»; см.: [4]);

б) отражение линии встреч с деятелями культуры, их творениями:

М. И. Цветаева с отрочества увлеклась Ростаном и его произведением «Орленок», главным героем которого является сын Наполеона. «Почему Вы не любите Rostand? Неужели и Вы видите в нем только “блестящего фразера”, неужели и от Вас ускользает его бесконечное благородство, его любовь к подвигу и чистоте? Это не праздный вопрос. Для меня Rostand — часть души, очень большая часть» (из письма В.Я. Брюсову, от 15 марта 1910 г.) [см. 4]. Имя собственное выступает здесь как воспоминание М.И. Цветаевой, как линия встречи с творением Ростана:

*И в сердце плачет стих Ростана
Как там, в покинутой Москве* (В Париже, июнь 1909);

*Ты, как восточный талисман,
Как подвиги в стихах Ростана* (Первый бал, 1906-1916).

Поэт Цветаева «сжимает время», благодаря чему становится возможной на страницах творений ее встреча с поэтами и писателями прошлых веков:

*Лорда Байрона в огне
Тонкий профиль* (Аля, 13 ноября 1913);

*Лорд Байрон! — Вы меня забыли!
Лорд Байрон! — Вам меня не жаль?* (25 сентября 1915 г.);

в) воспоминания, навеянные различными внешними факторами.

Примером такого употребления является имя собственное *Пушкин* и соответствующие антропонимические производные. Так, первое стихотворение, обращенное к Пушкину и запечатлевшее в текстах автора этот антропоним, молодая Цветаева написала, когда жила в Крыму и на каждой горной тропинке вспоминала «курчавого мага», который когда-то бродил по тем же местам:

*Запах — из детства — какого-то дыма
Или каких-то племен...
Очарование прежнего Крыма
Пушкинских милых времен.
Пушкин! — Ты знал бы по первому взору,
Кто у тебя на пути (Встреча с Пушкиным, 1 октября 1913);*

4) имена исторических лиц или личностей, вошедших в историю: *Наполеон, Разин, Дмитрий Самозванец, Марина Мнишек, Петр I, царевич Дмитрий, царевич Алексей, Николай II, боярыня Морозова, Карл VII, Чингис-Хан, Орлеанская Дева, хан Мамай, Гзак, Кончак, царица Софья* и другие.

М.И. Цветаева, обращаясь к именам исторических личностей, использует аллюзию — стилистическую фигуру, содержащую явное указание или отчетливый намёк на некий литературный, исторический, мифологический или политический факт и литературную реминисценцию (использование одноименных имен в обрисовке новых типов и характеров).

Любовь и страдания юной М. Цветаевой за Наполеона и его сына «герцога Рейхштадтского», героя пьесы Эдмона Ростана «Орленок», пронизывают не одно стихотворение. В «Ответе на анкету» М. И. Цветаева напишет о себе: «с 12 лет и поныне — Наполеониада, перебитая в 1905 г. Спиридоновой и Шмидтом, 13, 14, 15 лет — народовольчество, сборники “Знания”, Донская речь. Политическая экономия Железнова, стихи Тарасова, 16 лет — разрыв с идейностью, любовь к Саре Бернар (“Орленок”), взрыв бонапартизма...» [4]:

*— «Ты страдал! Теперь цари!
Здравствуй, сын Наполеона!» (В Шенбрунне, до 1913).*

Революционные настроения того времени (1916-1918 гг.) отражаются в стихотворениях М. И. Цветаевой включением целого ряда исторических имен других эпох, которые носили реальные лица, чьи действия и поступки перекликались с событиями начала XX века.

Образы царевича Дмитрия, самозванца Дмитрия и Марины Мнишек появляются в творчестве Цветаевой в связи с судьбой царской семьи. Цветаева боялась повторения кровавой угличской истории с царевичем Дмитрием.

*Грех отцовский не карай на сыне.
Сохрани, крестьянская Россия,
Царскосельского ягненка — Алексия! (“За Отрока — за Голубя
— за Сына...”, 4 апреля 1917, третий день Пасхи).*

Поэт пытается осмыслить действительность через исторические аналогии. В стихотворениях М. Цветаевой образы Петра I, царицы Софьи, Жанны д'Арк, Разина, Самозванца, Карла VII и монголо-татарских ханов призваны показать ужасы, муки и кровь, которые переживала Россия в начале XX века:

*Как Петр-Царь, презрев закон сыновний,
Позарился на голову твою —
Боярыней Морозовой на дровнях
Ты отвечала Русскому Царю (Москве, 1, 9 декабря 1917);*

*Исполосована
Русь моя русая.
Гзак да Кончак еще,
Вороны Бусовы (Ханский полон, 4, 20 марта 1922);*

5) литературные имена (имена литературных персонажей и названия литературных произведений).

Говоря об именах собственных, составляющих эту группу, в выборе онимов следует отметить определяющую роль литературных пристрастий М. И. Цветаевой, ограниченных разными временными рамками: *Дон-Жуан/ Дон-Жуан Кастильский/ Жуан* – 12 употреблений, *Кармен* – 8, *Консуэла* – 4, *Мариула, Том/ Том Соьер* – 3, *Георг, Донна Анна, Джульетта, Жар-Птица, Камерата/ дочь Элизы, Коринна, Маргарита, Ромео, Ульрих* – 2, *Апрельская Роза, Бэки, Белоснежка, Гекк Финн, Давид Копперфильд, Индеец Джо, Дафнис, Жемчужная Головка, Звездоглазка, Кай, Мапон, Орест, Освальд, Принц и Ниций, Рыба-Кит, Салтан, Снежная Королева, Татьяна, Фауст, Фигаро, Хля. Чернодум, Элоиза* – 1.

Имена литературных героев четко соотносятся с теми литературными произведениями, которыми увлекалась Цветаева в разные периоды своей жизни, но связь времен также проявляется в использовании единиц, относящихся к этой группе имен собственных.

Проживая свою жизнь в пространстве и времени художественного произведения, литературный герой становится носителем определенных качеств и судьбы. Поэтому часто литературный герой продолжает жить во времени, становясь неким символом для потомков. В своих стихотворениях М. И. Цветаева использует личные имена литературных героев, которые принято считать аллюзивной лексикой.

Анализ позволяет указать причины употребления автором перечисленных выше лексем в ранних произведениях. Причины связаны с прагматическими и идейно-художественными установками М. И. Цветаевой и видятся нам в следующем:

1) актуализация исторического прошлого.

Используя идею Ницше о «вечном возвращении», М. Цветаева обратилась к теме мировой и отечественной истории с целью осмысления истории России начала XX века и предвидения ее будущего развития. Объектом стихотворений становится герой иного временного пласта, чем лирическая героиня. Для Цветаевой поэты и деятели прошлого – не предшественники, а современные собеседники. Имена таких исторических личностей, как Наполеон, Петр I, Орлеанская Дева, Пушкин, Шекспир, Байрон и другие, являются значимыми не только для их эпохи, того времени, но остаются актуальными и для близкой автору современности. В данном случае имя собственное соединяет прошлое и настоящее/ будущее через образ, который остается в умах людей и после смерти исторического лица. Эти имена относятся к группе прецедентных, т.е. имен, связанных с широко известными текстами или с ситуацией, широко известной

носителям языка [8]. Приобретая символическое значение, такие имена собственные принадлежат разным временным пластам одновременно и становятся выразителями оценки, которая «оказывается значимой для разных языковых общностей в зависимости от статуса имен собственных» [9]. Исследователем Н. А. Максимчук выделяются: а) имена, связанные с мировой культурой и историей, которые воспринимаются с примерно одинаковыми коннотациями носителями разных языков, в том числе и самой М. И. Цветаевой (*Орлеанская Дева* – символ чистоты и мужества, *Наполеон* – талантливый полководец и т.д.); б) имена, которые отражают оценку отдельного языкового этнического коллектива (*Пушкин* – «наше все», гений, *Лжедмитрий* – символ смуты); в) имена, которые обладают какой-то оценкой в рамках достаточно узких языковых коллективов (в данном случае коллектив ограничивается образом М. И. Цветаевой). Кроме общего, в семантике прецедентных имен присутствует субъективный компонент, т.е. имеют место индивидуальные представления, ассоциации и коннотации, связанные с теми или иными прецедентными именами в сознании конкретного носителя языка [10]. Например, если Петр I в общенациональном представлении чаще всего является символом реформатора и его личность оценивается положительно, то у М. И. Цветаевой присутствует субъективный компонент в оценке Петра I. Показательно, что в рассмотренных нами материалах не обнаружено контекстов, в которых бы эксплицировались положительные свойства Петра. Напротив, у Цветаевой он становится символом разрушения исконных традиций и его образ имеет отрицательную окраску, та же коннотация наращивается в текстовом употреблении у имени собственного. Именно такое понимание образа Петра I было характерно для символистов в начале XX века. Итак, Цветаева показывает взаимообусловленность прошлого и настоящего/будущего, их взаимопроникновение через обращение к прецедентным именам;

2) актуализация личного прошлого.

В данном случае имя собственное обозначает конкретное лицо, с которым связаны конкретные воспоминания личного прошлого автора;

3) актуализация синхронного пласта жизни.

Через обращение к своим современникам М. И. Цветаева определяет самосознание времени, делает синхронный срез русской культуры и истории того времени. Характерным для творчества М. И. Цветаевой является персонификация. В персонажах, которые «населяют» ее художественные произведения, все спрессовано до образа, до типа, хотя показано достаточно конкретно и индивидуально. Многие героини-персонажи воспринимаются как определенные символы (*Разин, Наполеон, Орлеанская Дева, Каин*), за их именами стоят какие-то специфические черты характера, поведения, отношения к жизни. «Герои литературных произведений часто живут вне книги – за границами авторского текста. Такой уровень бытования называется метатекстуальным» [11].

Итак, Цветаева никогда не воспринимала обращение к прошлому как простую декорацию. Мы можем сделать вывод, состоящий в подтверждении того, что «никогда воспроизведение исторических личностей не были ей нужны для узнавания известного или для декоративного повествования и бутафорной метафоричности. Вся эта историческая соотнесенность была только эссенциальной общей позицией: современный мир – это часть мирового целого; соединюсь ли я с другой частью этого целого, уловлю ли то, в чем мы единичны, в чем про-

должаем и выражаем друг друга, – я открою мир, в котором нахожусь и перед которым стою в смятении» [12].

М. И. Цветаева, продолжая развивать сюжеты прошлого и используя исторические имена в своих произведениях, объединяет прошлое и настоящее, подчеркивая их связь («Стихи о Москве», «Руан», «“За Отрока – за Голубя – за Сына...”», «Петру»). Опираясь на сюжеты и имена прошлого, ей удается создавать живые образы современности, таким образом, через придание конкретной ситуации значение вневременности и всеобщности ей удастся выйти в сферу вечных тем и истин.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Леденева В. В. Идиостиль (к уточнению понятия) // Филологические науки. – 2001. - № 5. – С. 36-42.
2. Черных Н. Д. Лексическая структура поэтического языка литераторов серебряного века: опыт сопоставления: Автореф. дис... канд. филолог. наук. – Самара, 2005. – С. 20.
3. Сивцова А. А. Имена собственные в лирике Н. И. Рыленкова: Дис... канд. филол. наук. – Смоленск, 2008. – С. 67.
4. ЭБ: Электронная библиотека. Цветаева Марина Ивановна. Вер. 2.0. Цитирование текстов М. Цветаевой по данному изданию.
5. Гудков Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. – М., 1999. – С. 62.
6. Кронгауз М. А. «Воплощенное» и «невоплощенное» имя собственное: некоторые аспекты референции // Экспериментальные методы в психолингвистике. – М., 1987. – С. 130.
7. Еленев Н. Жребий самоотверженных // ЭБ: Электронная библиотека. Цветаева Марина Ивановна. Вер. 2.0.
8. Бобырева Е. В. Прецедентное имя. Вопросы прецедентности религиозного дискурса // Ономастическое пространство и национальная культура. Материалы научно-практической конференции 14-16 сентября 2006 г. – Улан-Удэ, 2006. – С. 26, 244-248.
9. Максимчук Н. А. Нормативно-научная картина мира русской языковой личности в комплексном лингвистическом рассмотрении. Ч. 1. – Смоленск, 2002. – С. 111.
10. Бобырева Е. В. Там же.
11. Валгина Н. С. Теория текста. 1998. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook029/01/index.html?part-015.htm>.
12. Николич М. Ощущение длительности в поэзии Марины Цветаевой // Марина Цветаева: Труды 1-го международного симпозиума (Лозанна, 30.У1. — 3. У11. 1982)/ под ред. Р. Кембалла в сотрудничестве с Е.Г. Эткингом и Л. М. Геллером. — Bern. Berlin. Frankfurt/ M. New York. Paris. Wien. — Bern: PETER LANG SA. 1991. — С. 335.

L. Ivanova

PROPER NAME AS A TIME MARK IN POETRY BY M. TSVETAEVA

The article deals with the use of the proper names. Our analysis is aimed at showing the functioning of anthroponyms in M. I. Tsvetaeva's Poetic Language. The embodied anthroponyms are used for denoting concrete persons. The disembodied names form a close circle known to a speaker and to an addressee. The author comes to the conclusion that Tsvetaeva uses anthroponyms to show the connection between the past, the present and the future.

Key words: anthroponyms, case name, characterisation, allusions lexicon.